
Глава 10

Едва попробовав скудную стряпню, которую принес из столовой Дин Лю, преподобный Цинъян твердо решил уйти в пост. Находясь на пике великого совершенства стадии Золотого Ядра и готовясь к прорыву на уровень Зародившейся Души, он вполне мог обходиться одной лишь духовной энергией, не касаясь ни еды, ни питья.

Прежде его вдоволь баловал Гу Янь. Подавать мастеру изысканные кушанья, которые ублажали вкус и вместе с тем питали тело чистейшей ци, помогая в культивации, — двойная выгода, от которой грех отказываться. О полном отказе от пищи Цинъян тогда даже не помышлял.

Теперь же на горе Сяоцан не осталось ни духовных злаков, ни волшебных плодов, ни мяса демонических зверей. Заставлять его давиться обычной людской пищей — грубой, дурно пахнущей, полной грязи — было выше его сил. Мало того что вкус отвратительный, так еще и мирская скверна, которую невозможно усвоить, засорит меридианы и повредит будущему развитию.

Да он лучше вовсе голодать станет!

Впрочем, полный отказ от еды оказался делом долгим и мучительным.

До начала пути бессмертия он питался обычной едой, а укрепившись в культивации, больше сотни лет вкушал лишь духовные злаки да изысканный чай. Тело давно привыкло к постоянному подкреплению. И когда привычный порядок рухнул, плоть взбунтовалась: ломота и дискомфорт отозывались во всем теле.

Уже в первую ночь Цинъян проснулся от дикого голода.

Практика поста гарантирует, что заклинатель не умрет без еды, но вовсе не лишает его чувства голода. Для преподобного Цинъяна, привыкшего сытно обедать даже во время уединенных медитаций благодаря заботам Дин Лю, свалившаяся невзгода стала настоящим испытанием.

Очнувшись от сна, он устался в темноту полога над кроватью. В животе сосало, удушливая пустота мешала уснуть. Проворочавшись с боку на бок с добрый час, преподобный не выдержал.

Снявшись с постели, он решил налить себе питья из остывшего чайника.

Набрав в рот отвар — вполне ожидаемо, но оттого не менее отвратительно отдававший гнилью

и тиной, — Цинъян замер. Сглотнуть или выплюнуть? Лицо мастера несколько раз меняло оттенки, пока он со скрытым отвращением всё же не заставил себя проглотить жидкость.

Но желудок это не обмануло. Голод никуда не делся.

Так и не сумев уснуть, он просидел у окна до самого рассвета, подставляя лицо ночному сквозняку. На душе было тяжело, словно туда взгрозили огромный валун.

И если преподобный Цинъян хотя бы пытался поститься, то Чжао Чжэньюю и Линь Чжэньчжэню приходилось еще горше. Поданная им стряпня казалась второму младшему брату настоящими помоями, непригодными даже для скота.

Если уж у него кусок в горло не лез, то что говорить о Чжэньчжэне, с малолетства привыкшем к роскоши и изыскам клана Линь?

Чжао Чжэньюй тут же обеспокоенно взглянул на младшего.

Тот, прожевав ложку пресного белого риса, печально нахмурился. В его вечно влажных глазах заблестели слезы, а уголки губ скорбно дрогнули. Выглядел юноша невероятно жалко и трогательно.

Сердце Чжао Чжэньюя, который души не чаял в младшем брате, сжалось от жалости. Вспыхнув гневом, он поднялся из-за стола и отправился на кухню — учинить разнос Дин Лю.

Вот только слуга вовсе не проявил привычного почтения.

— В столовой кончился духовный рис, — отрезанно заявил Дин Лю. — Готовить рис Яньчжи больше не из чего. А эти обычные зерна мы вообще на собственные медяки покупали. Не нравится — не ешьте.

Им же лучше: больше еды останется. Все равно ничего другого нет.

— Что за чушь?! — вспылил Чжао Чжэньюй.

Он прожил на горе Сяоцан больше тридцати лет, и отродясь здесь не бывало нехватки духовного риса. На заднем склоне располагалось целых восемьдесят му отличных полей! И все они были засажены духовными злаками Яньчжи! У кого угодно в мире мог закончиться рис, но только не на Сяоцан!

Хмурясь, Чжао Чжэньюй наступил на слугу:

— Признавайся, нечист на руку? Утаил наш рис и променял на духовные камни, верхогляд?!

Дин Лю от такой наглости аж восковел.

— Что за бред вы несете?!

Он проработал на кухне почти двадцать лет и отродясь не крал зерно на продажу!

Не то чтобы у него ни разу не возникало подобных мыслей... Нет, искушение было, да вот только духу не хватало.

Велик ли тот городок Лори? Сколько там местных заправил, чем они промышляют и где живут — разве Гу Янь, проживший здесь столько лет, мог этого не знать?

В первый же год службы на Сяоцан Дин Лю попытался умыкнуть жменю духовного риса. Но не успел он в городке отыскать перекупщика, как его вместе с мешком сцапали и доставили прямо к Гу Яню.

Гу Янь тогда даже не стал обыскивать его при торговце. Лишь тихо поблагодарил горожанина, взял слугу за шиворот и повел пешком из городка Лори обратно на гору Сяоцан.

А это, между прочим, почти сотня ли горного пути!

Вокруг густой, непроглядный лес, ни души на пути, а качающиеся тени деревьев казались зловещими тварями, выбравшимися из глубин преисподней. Дин Лю плелся следом за старшим братом, и с каждым шагом его сердце уходило в пятки. Он до смерти боялся, что Гу Янь, разоблачив воровство, просто зашибет его по дороге и прикопает под ближайшим кустом.

Липкий страх так парализовал его разум, что Дин Лю даже не запомнил, как они добрались до обители.

Очнулся он уже в столовой.

Одежда промокла насквозь — то ли от леденящего пота, то ли от изнеможения. Подошвы обуви износились в труху, оставив на лодыжках лишь жалкие лоскуты, а сбитые в кровь стопы горели адской болью.

Вспоминать тот день было все равно что заново переживать кошмар Преисподней.

Сбитые ноги заживали больше полумесяца. Но даже боль казалась мелочью по сравнению с той нестерпимой, въевшейся в кости чесоткой, когда раны начали затягиваться, а чесать их

было нельзя.

Тот урок Дин Лю запомнил на всю жизнь.

С тех пор стоило ему помыслить о чем-то недозволенном, как перед глазами вставала та ночь и молчаливая фигура Гу Яня.

Темнота, глухой лес, свист ледяного ветра — идеальное время и место, чтобы избавиться от труп.

Любые воровские помыслы выдувало из головы в то же мгновение.

К тому же Гу Янь разрешал слугам возделывать собственные грядки и даже брал их с собой в горную гряду Заходящего Солнца за ценными травами, позволяя подработать. На жизнь хватало, так к чему рисковать головой ради пары горстей риса?

И теперь, слыша обвинения Чжао Чжэньюя, Дин Лю окончательно вышел из себя:

— Преподобный Цинъян великодушен, а старший брат Гу всегда отличался справедливостью и строгостью! С чего это вы вздумали клеветать на меня и обвинять в воровстве?!

Слуга выудил из кармана нефритовый свиток и швырнул его старшему:

— Благо я заранее об этом позаботился! Здесь записано всё: сколько духовного риса Яньчжи собрали в прошлом году, сколько тратилось каждый день! Не верите — берите свиток и идите прямо к старшему брату, проверим вместе!

Этот счетный свиток Дин Лю вел исключительно на случай проверки Гу Яня. Бережа свою шкуру и помня прошлый грех, он заносил туда самые точные сведения. Так что даже явись старший брат с проверкой, слуге нечего было бояться!

Кто же мог подумать, что Гу Янь промолчит, а визжать и брызгать слюной начнет Чжао Чжэньюй?

Нефритовый свиток, описав дугу, со звонким стуком упал на стол.

Чжао Чжэньюй, естественно, не поверил ни единому слову и уже протянул руку, чтобы взять запись, но его остановил Линь Чжэньчжэнь. Натянув кроткую улыбку, тот мягко заговорил:

— Не стоит, второй старший брат... Я верю, что Дин Лю не мог так поступить.

Одернутый младшим, Чжао Чжэньюй убрал руку.

Прежде, услышав о доверии со стороны Линь Чжэньчжэня, Дин Лю проникся бы глубокой благодарностью, посчитав его добрым и чистым душой человеком. И старался бы всячески угодить молодому господину.

Но сейчас эти слова прозвучали как злая насмешка.

Будь тот искренне уверен в его честности, разве позволил бы Чжао Чжэньюй учинять допрос? Почему не остановил его сразу, а заговорил о заступничестве лишь тогда, когда на стол лег нефритовый свиток?

Не веда Дин Лю записи из страха перед Гу Янем, Чжао Чжэньюй с потрохами бы его сжрал!

И чего ради Линь Чжэньчжэнь не дает прочесть свиток? Из доверия к слуге — или из страха, что Чжао Чжэньюй увидит правду?

Дин Лю не отличался святостью. Из-за смешанных духовных корней и посредственных способностей он с малых лет выживал в самой грязи, привыкнув подозревать в людях наихудшее. И уж точно слуга не собирался становиться козлом отпущения ради Линь Чжэньчжэня.

Смерив разъяренного Чжао Чжэньюя взглядом, он холодно чеканил:

— Старший брат Гу каждый год оставлял более чем достаточно духовных злаков! Я заправляю кухней много лет, и почему-то именно в этом году запасы вдруг истощились! Не пора ли вам призадуматься, отчего так вышло?!

Чжао Чжэньюй сдвинул брови:

— Ты на что намекаешь?

— На что намекаю?! — Дин Лю аж опешил от такой непробиваемости.

И как он раньше не замечал, насколько глуп их второй старший брат? Ему все разжевали, а он до сих пор сообразить не может!

— Каждая тарелка сладостей, которые стряпает младший брат Линь, выжирает по меньшей мере десять цзиней духовного риса! — отрезал слуга уже без всякого стеснения. — Перевели все запасы на свои изысканные лакомства, а теперь из-за вашего расточительства даже преподобный Цинъян вынужден давиться обычным пресным рисом, точно какой-то батрак! И после этого у вас хватает дерзости валить всё на меня?!

Раньше слуги молчали, глядя, как Линь Чжэньчжэнь переводит продукты, а Чжао Чжэньюй с умилением их трескает. Но когда еда кончилась, эти двое вместо того чтобы пойти заработать на новые духовные злаки, явились навешивать на него воровство!

В таком случае нечего ждать вежливости.

Заварится каша — Дин Лю бояться нечего!

Гу Янь всегда свято чтит порядок. Пока слуги выполняют свои обязанности и не творят беспредела, он пальцем их не тронет.

Прежде Дин Лю казалось, что старший брат слишком суров и черств.

И только столкнувшись с бедой, слуга осознал всю прелесть твердых правил.

Вот как сейчас: зная, что за ним нет вины, он мог смело бросить вызов самому Чжао Чжэньюй. Дин Лю точно знал — даже если Чжао Чжэньюй ближе и дороже Гу Яню, тот не станет потакать любимчику и наказания без вины не назначит, а уж тем более не прогонит с горы.

Никогда еще Дин Лю не чувствовал такой глубокой благодарности к Гу Яню, как в эту минуту.

Поскольку преподобный Цинъян находился в медитации, большую часть стряпни Линь Чжэньчжэня действительно сожрал Чжао Чжэньюй. Он-то рассчитывал выместить гнев на слуге и защитить младшего, а в итоге зубастый Дин Лю выставил их виновниками голода учителя! Чжао Чжэньюем овладело невольное смущение.

Сирота, он чтит учителя как единственного родного человека.

Прознай кто вокруг об этой истории, их с Чжэньчжэнем заплюют и заклеют позором!

Задравши подбородок, Чжао Чжэньюй отчаянно выкрикнул:

— Заткнись! Не смей возводить навет! Кто сказал, что учитель останется без духовной пищи?! Я сегодня же отправлюсь на Гору Заходящего Солнца и набью демонических зверей!

Сразу за горой Сяоцан простиралась горная гряда Заходящего Солнца — дремучий край, захлебывающийся от плотной духовной энергии, кишачий волшебными растениями и свирепыми тварями. Чжао Чжэньюй с детства слушал рассказы старшего брата об этих местах и отлично знал: Гу Янь еще на стадии Концентрации Цзи не боялся ходить туда за травами.

А позже и вовсе наведывался в чащу как к себе домой — охотиться на зверей да собирать

редкие снадобья.

Раз уж Гу Янь справлялся, будучи на стадии Концентрации Цзи, то ему, достигнувшему Заложения Основания, тем более бояться нечего!

Неужто они помрут с голоду, сидя на вершине золотой жилы?!

Дин Лю обомлел. Будь горная гряда Заходящего Солнца прогулочным парком, стали бы слуги горбатиться на полях и торчать у печей, имея под боком такое богатство?!

Он не на шутку испугался, что с барчуком случится беда.

— В горной гряде Заходящего Солнца обитают лютые звери! Это смертельно опасно...

Но Чжао Чжэньюй, перешагнувший порог Заложения Основания в тридцать лет, привык к похвалам и лести.

Самым тяжелым испытанием в его жизни до сих пор было лишь то, как Гу Янь в лютую студень вытаскивал его из-под теплого одеяла махать мечом. Спаси ему было не занимать.

Окинув Дин Лю презрительным взглядом, Чжао Чжэньюй бросил:

— Трусливый слизняк! С твоей дрожащей шкурой только в слугах всю жизнь и прозябать! Не ровняй меня с собой.

Дин Лю тоже задело за живое.

— Что ж, замечательно! — усмехнулся слуга. — Пойдете в горы, набьете зверей, наберете трав да выменяете на духовные камни — так не забудьте выплатить нам, жалуемым слугам, жалованье за прошлый год!

Полный гордыни Чжао Чжэньюй даже не посчитал четыреста восемьдесят духовных камней за деньги и с легкостью согласился:

— Договорились!

Линь Чжэньчжэнь попытался вставить слово:

— Второй старший брат...

Чжао Чжэньюй ободряюще улыбнулся ему:

— Не волнуйся, я скоро вернусь с богатой добычей!

И в тот же день, едва перевалило за полдень, Чжао Чжэньюй в одиночку отправился на Гору Заходящего Солнца.

Понимая, насколько коварна горная гряда, и опасаясь, как бы гибель барчука не легла пятном на слуг, Дин Лю вечером, принеся ужин, через закрытую дверь доложил обо всем Гу Яню.

В тот момент Гу Янь собирал изящные красные бобы.

На нем было все то же серебристо-белое одеяние с вышитым зимним пейзажем: алые цветки сливы, рассыпанные по белоснежной ткани, перекликались с яркими бобами, создавая картину столь заворожительную, точно перед глазами медленно разворачивался старинный свиток.

— Вот как? — выслушав сбивчивый рассказ Дин Лю, Гу Янь сорвал спелую ягоду и бережно уложил ее в приготовленную шкатулку из белого нефрита. Голос его звучал предельно равнодушно: — Хочет идти — пусть идет. Я вмешиваться не стану. А если совсем душа не на месте, иди к учителю, пусть сам решает.

Прикрыв нефритовую шкатулку, полнехонькую алых бобов, Гу Янь опустил ресницы и глубоко задумался.

Его искренне одолевало недоумение.

«И как я только смог выпестовать из Чжао Чжэньюя такое ничтожество?»

<http://bllate.org/book/19602/1934210>